

УДК 94(47)

В.Н. Парамонов*

«ЗАПАСНАЯ СТОЛИЦА» В ДНИ МОСКОВСКОЙ БИТВЫ (ОКТАБРЬ 1941 Г. – АПРЕЛЬ 1942 Г.)

В статье на основе архивных материалов, часть из которых вводится в научный оборот впервые, анализируется обоснованность применения понятия «запасная столица» применительно к городу Куйбышеву военных лет, рассматриваются проблемы, связанные с эвакуацией правительственных учреждений и большой миграцией населения СССР в город на Волге, раскрываются особенности социальных настроений населения «запасной столицы», рассматриваются факторы, влиявшие на динамику настроений.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, столица, эвакуация, управление, цены, снабжение, дефицит, социальные настроения.

Столица определяется в словарях как главный город государства, местопребывание правительства и других высших органов государственной власти и государственного управления, а также высших судебных, военных и иных учреждений [4, с. 1504; 17, с. 768; 22, с. 37].

Город Самара в XX веке дважды обретал столичный облик: в июне-октябре 1918 г., являясь столицей части России, контролируемой Комитетом членов Всероссийского Учредительного собрания (КОМУЧа), и с октября 1941 г. в связи с эвакуацией правительственных учреждений из Москвы в Куйбышев. В настоящей статье анализируется ряд особенностей городской жизни «запасной столицы» в период Московской битвы. Название «запасная столица» взято автором в кавычки, поскольку формально город не провозглашался «запасной столицей». Нет такого названия и в официальных научных изданиях [6, с. 78–79; 7, с. 388]. Автором пока не найдены документы предвоенного периода, в которых бы планировалось создание запасной столицы в г. Куйбышеве. По данным С.О. Буранка, в американской печати 1941–1942 гг. в связи с переездом дипломатов и журналистов из Москвы в Куйбышев говорилось о переносе столицы СССР на Волгу, о новой советской столице, о резервной, запасной столице [5, с. 30, 31, 61].

В отечественной литературе понятие «запасная столица» стало популярным с середины 1990-х годов с подачи самарского писателя и публициста А.Е. Павлова и его публикации «Запасная столица» [18]. Л.В. Храмов отмечал, что с октября 1941 г. город «становится фактически второй столицей воюющего государства» [15, с. 7]. Эту точку зрения поддерживает и ряд других авторов, занимающихся данной темой [10; 19]. Но иногда в литературе дело доходит до крайностей. Например, самарский краевед, д-р ист. наук Г. Алексушин

заявляет, что с 15 октября 1941 года по 21 августа 1943 года Куйбышев **фактически являлся столицей СССР** (выделено нами. – В.П.) [1], краевед В. Ерофеев пишет о том, что осенью 1941 г. «тыловой город Куйбышев стал центром политической жизни страны» [12], чего в реалиях не было. Все-таки центром политической жизни СССР являлась Москва, здесь работал ГКО, ключевые управленческие документы подписывались и принимались там.

Актуальность исследования данной темы обусловлена прежде всего ее недостаточной разработанностью в исторической науке. Мало исследованы повседневность, социальные настроения населения города Куйбышева в военный период. Отчасти это связано с тем, что лишь недавно были рассекречены документы, позволяющие уточнить ментальные характеристики проживавших в «запасной столице», динамику и особенности социальных настроений.

Хронологические рамки исследования ограничиваются периодом Московской битвы, поскольку в дальнейшем город Куйбышев теряет «столичную окраску» и становится одним из военно-индустриальных центров. Нахождение в Куйбышеве дипломатического корпуса было в большей степени продиктовано интересами безопасности (наличие крупной группировки противника под Ржевом).

Изучение темы опирается на репрезентативный круг источников. Чтобы избежать искажений, свойственных воспоминаниям, мемуарам, в которых война рассматривается задним числом, на наш взгляд, важно обратиться в первую очередь к документам военного времени: постановлениям и информационным материалам партийных и государственных органов, периодической печати, пропагандистским листовкам, личным дневникам, письмам, рисункам, фотографиям, кинохронике.

* © Парамонов В.Н., 2017

Парамонов Вячеслав Николаевич (parvja@mail.ru), кафедра философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Представляют интерес воспоминания жителей г. Куйбышева военных лет [3; 13]. Они раскрывают не только деятельностную сторону жизни города Куйбышева, но и палитру настроений его населения. Воспоминания тех, кто жил и работал в центре города, ощущал «столичность», разнятся с воспоминаниями жителей промышленного района — Безьямки. Если у первых есть элемент представлений о «золотом веке города», то вторые столичность не ощущали, трудясь главным образом на заводах и не имея возможности быть общенными к «столичному» образу жизни.

В первые дни войны власти надеялись в ближайшее время остановить продвижение врага и ограничивались частичной эвакуацией центральных учреждений, в том числе в Куйбышев. В начале войны в Кремле обсуждался вопрос об эвакуации тела В.И. Ленина из мавзолея, и один из главных специалистов — профессор Б. Збарский — предложил город Куйбышев как место, где имелись научные лаборатории и ученые, которых можно было бы мобилизовать в случае фатальных изменений тела. Однако И.В. Сталин решил отправить тело В.И. Ленина подальше в тыл, в город Тюмень [11]. 26 июля 1941 г. выходит распоряжение ГКО «О переводе ТАСС в г. Куйбышев» [21. Ф. 644. Оп. 1. Д. 4. Л. 174]. Распоряжением Совета по эвакуации № 5555-сэ от 20 августа 1941 г. было определено, что аппаратура и часть сотрудников Дома звукозаписи и Московского телецентра должны были эвакуироваться из Москвы в Куйбышев [28. Ф. Р-2558. Оп. 6. Д. 43. Л. 6].

Ситуация меняется с начала октября 1941 г., когда началось активное наступление войск противника на Москву. В соответствии с решением ГКО «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы» от 15 октября 1941 г. в Куйбышев должны были эвакуироваться Президиум Верховного Совета СССР, правительственные учреждения, органы Наркомата обороны Наркомвоенмора, иностранные миссии. В тот же день ГКО была создана специальная комиссия текущих дел в Куйбышеве в составе В.М. Молотова (пред.), А.И. Микояна, Н.А. Вознесенского, М.Г. Первухина, В.А. Малышева [16; 21. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 156; 25].

В октябре 1941 г. в город прибыли в эвакуацию Госплан СССР, часть аппарата ЦК ВКП(б), СНК СССР, ЦК ВЛКСМ, Совинформбюро, ряд отделов Наркомата обороны и НКВД СССР [28. Ф. Р-2558. Оп. 6. Д. 43. Л. 211–212; Д. 44. Л. 61; Д. 60. Л. 4]. Позднее, в 1942 г., постановлением СНК СССР в Куйбышев из Саратова перевели Наркомат авиапромышленности [28. Ф. Р-56. Оп. 47. Д. 1. Л. 11].

В Куйбышев приехали председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин, член ГКО, маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов, заместитель председателя СНК СССР Н.А. Вознесенский, первый секретарь ВЦСПС, председатель

Совета по эвакуации Н.М. Шверник, заместитель председателя КПК при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятов. Секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву, находившемуся в Куйбышеве с частью аппарата ЦК, разрешалось от имени Центрального Комитета давать распоряжения обкомам Поволжья, Урала, Сибири, Средней Азии по вопросам промышленности в связи с эвакуацией предприятий в эти области. Заместителю председателя СНК СССР Н.А. Вознесенскому было поручено представлять в Куйбышеве СНК СССР, руководить работой эвакуированных на восток наркоматов [6, с. 78–79; 23. Ф. 656. Оп. 20. Д. 15. Л. 29; 26, с. 107].

Почему город Куйбышев был выбран в качестве «запасной столицы»? В литературе есть разные версии по этому поводу. Можно выстроить лишь гипотезы относительно данного выбора. Во-первых, повлияло географическое положение. Куйбышев находился достаточно далеко от линии фронта. Еще начиная с 1927 г. сравнительно безопасной считалась зона от 500 до 1500 км от внешних границ [20. Ф. Р-38. Оп. 4-6. Д. 22. Л. 13.]. Во-вторых, город Куйбышев являлся крупнейшим транспортным узлом Средней Волги, имел прямое железнодорожное сообщение с Уралом, Сибирью, Дальним Востоком, Средней Азией. Город располагался на берегу Волги, важной транспортной магистрали. В-третьих, помимо сравнительно развитой транспортной инфраструктуры, город имел устойчивую по тем временам систему связи с Москвой.

20 октября в г. Куйбышев прибыл в эвакуацию дипломатический корпус из 13 посольств и 6 миссий. Все посольства были размещены в центральной части города в старинных особняках [28. Ф. Р-56. Оп. 47. Д. 11. Л. 23–26]. Для обеспечения деятельности дипломатов вместе с ними прибыли работники наркомата иностранных дел во главе с зам. наркома А.Я. Вышинским.

Второстепенность г. Куйбышева как «дипломатической столицы» осознавалась большинством дипломатов, поскольку ключевые переговоры и подписание документов происходили в Москве. Показательна в этой связи запись в дневнике британского посла С. Криппса 21 октября 1941 г.: «Прошлой ночью я видел Вышинского и понял, что нас обвели вокруг пальца. Хотя это и произошло случайно, ситуация чрезвычайно серьезная. Советское правительство не приехало в Самару. Нет здесь также и сотрудников из учреждения Микояна. Генеральный штаб не переехал, а сам Молотов, несмотря на все свои заверения, тоже остался в Москве. Мы изолированы и ничего не можем предпринять» [24, с. 98].

Конечно, г. Куйбышев 1941–1942 гг. — это не Санкт-Петербург 1812 г., но размещение в городе на Волге ряда правительственных учреждений, Исполкома Коминтерна, дипломатических миссий и большого числа оборонных предприятий прида-

ло городской жизни новый, «столичный» колорит.

С 17 октября 1941 г. (в тот день было принято Постановление СНК СССР «О мероприятиях по местной противовоздушной обороне г. Куйбышева») город стал вечерами и ночами погружаться во тьму: на окнах из-за возможных бомбардировок повесили шторы из плотной черной бумаги. Вечерами по улицам ходили дежурные и проверяли светомаскировку. Фары редких автомобилей также были затемнены.

Осенью 1941 г. были введены ограничения на прописку беженцев и эвакуированных из прифронтовой полосы, прибывающих неорганизованным порядком [23. Ф. 656. Оп. 5. Д. 105. Л. 4]. Вокруг города Куйбышева были установлены милицейские и воинские заградительные кордоны, чтобы предотвратить возможность остаться эвакуированным в городе. Но желающих остаться в Куйбышеве было очень много. Они высаживались в Чапаевске, Кинеле и добирались до Куйбышева на местных поездах или пешком, а в Куйбышеве устраивались на квартирах родных и знакомых [23. Ф. 651. Оп. 9. Д. 70. Л. 624].

Решением Куйбышевского горисполкома от 20 октября 1941 г. были запрещены въезд и прописка в городе всем эвакуированным, кроме прибывших вместе с предприятиями и организациями по специальному решению СНК СССР. Запрещение распространялось и на членов семей, проживавших вне города, глава которых работал в г. Куйбышеве. Все самовольно въехавшие и не получившие разрешения от милиции на прописку и ордера от райсоветов на занятие жилой площади должны были немедленно выселяться [15, с. 38; 28. Ф. Р-2558. Оп. 7. Д. 314. Л. 68].

В связи с прибытием в город правительственных учреждений и повышением интенсивности движения транспорта было решено увеличить количество постов регулирования уличного движения в городе и пригороде с 12 двухсменных до 35 суточных. Также увеличились часы торговли в ресторанах и столовых, кафе-закусочных открытого типа с 7 часов утра до 2 часов ночи, а торговля в кафе-закусочной на Куйбышева, 81 стала круглосуточной [28. Ф. Р-56. Оп. 2. Д. 39. Л. 61, 62].

«Столичность» городу придал и состоявшийся 7 ноября 1941 года военный парад, в котором участвовали две дивизии – 65-я сибирская и 237-я и 84-я и 85-я морские стрелковые бригады. Командовал парадом генерал М.А. Пуркаев, принимал – маршал К.Е. Ворошилов. Парад длился необычайно долго – около полутора часов [8. 1941. 9 ноября]. На трибуне были многие представители правительства. По воспоминаниям вице-адмирала, академика А.А. Саркисова, участвовавшего в параде, «это был не столько военный парад, со свойственной ему торжественностью и строевым порядком, сколько прохождение плохо организо-

ванных групп военнослужащих, в которых можно было лишь угадывать отдельные подразделения: взводы, роты и батальоны. Более четкий строевой порядок соблюдался при прохождении военной техники... М.И. Калинин... был, пожалуй, единственным из стоящих на трибуне, с добрым улыбающимся лицом. Остальные члены правительства стояли с довольно мрачными физиономиями» [25, с. 43–44].

Одной из важнейших проблем, с которыми была связана повседневность горожан, являлся т. н. «жилищный вопрос». Конституция СССР 1936 г. гарантировала неприкосновенность жилища граждан (ст. 128), но война внесла свои коррективы. Уже в начале осени 1941 г. куйбышевцам пришлось столкнуться с понятиями «выселение» и «уплотнение». Жилищная проблема особенно обострилась с октября–ноября 1941 г., когда в город и область хлынул поток населения из Центрального и Северо-Западного районов. В документах содержатся в основном оценочные данные о динамике численности населения г. Куйбышева: За первые полгода войны население г. Куйбышева увеличилось с 390 тыс. чел. до 529 тыс. Пик пришелся на октябрь 1941 г. На 28 октября население г. Куйбышева составило 700 тыс. чел., на 1 декабря – 500 тыс. человек [23. Ф. 656. Оп. 20. Д. 32. Л. 414–414 об.; Ф. 714. Оп. 1. Д. 772. Л. 106; 28. Ф. Р-2551. Оп. 10. Д. 36. Л. 14].

Под жилье приспособлялось все, что могло служить этой цели: подвальные, складские, чердачные помещения, сараи, клубы, магазины, гаражи. В начале января 1942 г. работникам перебазируемых в Куйбышев предприятий было передано 36 790 кв. метров жилплощади и 6 домов общей площадью 3879 кв. метров. Работникам прибывшего подшипникового завода было разрешено переоборудовать под жилье 60 дач; 90 дач предоставлялось эвакуированному из Москвы коллективу ВТЭ-1. В целом эвакуированным в городе было выделено 381 105 кв. метров. К январю 1942 г. только для работников авиазаводов было построено 133 тыс. кв. метров жилья [21. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1054. Л. 1, 53; Оп. 88. Д. 133. Л. 9].

Работница авиазавода № 18 К.И. Чадаева вспоминала: «В январе 1942 г. привезли нас на ст. "Безымянка", разместили по квартирам, в полуземлянки бывших заключенных в 1-м особом районе. Зима 1941–1942 гг. была суровая, стояли сильные морозы до 42 градусов. Каждая семья, как могла, занимала в этой землянке двухъярусные нары, как в плацкартном вагоне, только без перегородок. Грязь, холод, есть было нечего. В январе 1942 г. от воспаления легких умер братишка, а отец погиб на фронте в июле 1942 г. Мы остались втроем – мама, я и двухлетняя сестренка. Потом нас всех из землянки выселили. Каждой семье дали по отдельной комнате в бараке» [3, т. 1, с. 81].

Спротивление горожан вызывали попытки насильственно переселить их в худшие по качеству комнаты и квартиры [21. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1054. Л. 1, 53; Оп. 88. Д. 133. Л. 9]. Резкое ухудшение жилищных условий местных жителей вызывало открытую их недоброжелательность в отношении эвакуированных. Их настроения нашли отражение в донесении зам. наркома НКВД СССР В.Н. Меркулова Куйбышевскому обкому ВКП(б). Заведующий складом лесоматериалов Гортопа Шибраев заявлял: «Сейчас меньше говорят о войне, а больше о выселении. Люди взволнованы массовым выселением, высказывают большое недовольство». Зам. главного энергетика завода «Автотрактородеталь» Мартынов замечал: «Москвичей надо гнать дальше в Сибирь и не беспокоить жителей г. Куйбышева, которые живут здесь десятки лет». Мария Родикова гневно отмечала: «Что же это творится — сюда едут люди, а отсюда выселяют собак. Посмотрите, какие упитанные рожи едут сюда, а тебя, как скотину какую-нибудь, гонят в деревню, там ведь и в хорошие времена голодали» [23. Ф. 656. Оп. 19. Д. 7. Л. 93–95].

Резкое перенаселение Куйбышева осенью 1941 года в сочетании с переводом большинства местных предприятий легкой промышленности на военные рельсы быстро привели к тому, что начала ощущаться нехватка практически во всем — одежде и обуви, дровах и угле, тканях и швейных принадлежностях, чулках и мыле. Жилищно-бытовая неустроенность общежитий и коммуналок определяла их психологический климат и не способствовала формированию у горожан навыков здорового образа жизни, поддержания здоровья, гигиены и т. д. Показателен пример, приведенный в заметке «Желтые береты» в газете «Волжская коммуна»: «Из парадного подъезда выскочила женщина в желтом беретике набекрень. В руках — грязное ведро с помоями. Она весело плюхнула помой на тротуар: “Ничего страшного. Вот прогоним Гитлера, тогда и будем соблюдать чистоту...” ...Тротуары обледенели, граждане падают и калечатся. А ответственные лица, виновные в этом, подобно желтому беретнику, отвечают: “Теперь война...”. А ведь все эти «желтые береты» в одинаковой мере льют помой на советскую улицу. Лишь ведра разные...» [8. 1941. 22 ноября].

Властями предпринимались усилия по обеспечению общественного и санитарного порядка в жилищном секторе. Специальным распоряжением СНК СССР по г. Куйбышеву от 15 января 1942 г. за нарушение правил благоустройства (загрязнение территории, нарушение правил застройки, подземных и наружных сооружений, эксплуатации домов, общежитий, предприятий, магазинов и т. д.) должностные лица (директора промышленных и торговых предприятий, коменданты общежитий, начальники строек и др.) могли подвергаться штрафу до 200 руб.; при повторном нару-

шении привлекались к уголовной ответственности (по ст. 109, 11 УК РСФСР). Граждан, нарушавших правила благоустройства, органы милиции города могли оштрафовать от 10 до 25 руб.; за нарушения общественного порядка, не влекущие предания суду, — до 25 руб. органами милиции на месте [9. Ф. 5446. Оп. 43. Д. 1205. Л. 122–126].

С приходом эвакуированных цены на рынках начали интенсивно расти. В конце октября 1941 г. на Центральном рынке в Куйбышеве литр молока стоил 8–10 рублей, масло — до 120 руб. за килограмм, мясо — до 45 руб. за килограмм. Попытки ограничить цены на мясо в конце октября 1941 г. уровнем в 18–23 руб. привели к тому, что число торговцев уменьшилось, поскольку на рынок не стали выходить местные жители; они торговали рядом с домом [28. Ф. Р-56. Оп. 2. Д. 50. Л. 79].

Однако проблема снабжения населения заключалась не только в борьбе со спекулянтами. Из месяца в месяц снижалось поступление в город на рынки сельскохозяйственных продуктов. В октябре 1941 г. завоз мяса составил 7333 ц, в ноябре — 4650 ц; молочных продуктов в октябре — 310 тыс. л молока, в ноябре — 117 тыс. л; масла животного в октябре — 200 ц, в ноябре — 99 ц; овощей в октябре 6 тыс. ц, в ноябре — 25 тыс. ц; в том числе капусты — в октябре 633 ц, в ноябре 274 ц [23. Ф. 656. Оп. 20. Д. 32. Л. 417].

Значительная разница существовала и между государственными и рыночными ценами внутри города. Государственная цена на муку пшеничную в 1941–1942 гг. составляла 2,4 руб., рыночная — 80 руб., говядина соответственно 18 и 60–155 руб., масло животное — 25 и 120–578 руб., растительное масло — 13,5 и 245 руб., молоко — 2 и 20–40 руб. [21. Ф. 17. Оп. 88. Д. 63. Л. 47]. Это создавало неограниченные возможности для спекуляции, для обогащения одних слоев населения и обнищания других.

Временами возникал протест против несправедливого распределения. Причиной возмущения и критических высказываний населения являлся не дефицит сам по себе, а неспособность местных властей организовать и гарантировать установленное «наверху» и бесперебойное распределение ограниченных товарных ресурсов. Жалобы населения в рассматриваемый период в основном касались отсутствия продуктов и высоких цен. Приведем лишь несколько примеров. «Трудно стало жить в Куйбышеве: продуктов нет, картофель 5 рублей кило, мясо 40 рублей кило» (И.Г. Борисов). «Такие бешеные цены, и тем не менее все хватает, душат друг друга. За коммерческим хлебом такая давка, частые драки, если пойдешь за хлебом, то прощай жизнь — очереди по 500–600 человек, видимо, перебои в хлебопекарнях» (Полосатина). «Живем ужасно плохо, голодаем в буквальном смысле, на рынках ничего нет. До 1-го ноября еще кое-что было... в ноябре горсовет утвердил цены

на рынках более низкие, колхозники перестали привозить на рынок продукты: приходишь на рынок, жутко делается, что будет дальше, не знаю. Трудно очень с хлебом, нужно ночью занимать очереди. Настроение у всех тяжелое» (Гайфоронский). «Настала невыносимая жизнь, продукты дорожают с каждым днем, дошли, кажется, до предела... Местные руководители спохватились и решили аппетиты наших колхозничков урезать, установить цены, в результате уже 3 дня на рынке ничего нет. Были случаи, когда торговки выливали на землю молоко и уходили с рынка, не соглашаясь продавать по установленной цене» (Сомов). «Жизнь с каждым днем делается все хуже, цены на продукты растут баснословно, а зарплата все та же» (В.Н. Герасимов). Многие эвакуированные убеждали своих родственников и знакомых не выезжать никуда и оставаться на месте. П.В. Усачева писала в Москву родственнику: «... если ты никуда не уехал, то и не уезжай, лучше умереть под бомбами, чем с голоду» [23. Ф. 656. Оп. 20. Д. 32. Л. 417, 417 об., 418 об.],

Разительно отличалось от условий жизни местного населения положение размещенных в Куйбышеве семей партийных и советских работников, дипломатов. Эту разницу хорошо могут проиллюстрировать воспоминания шведского дипломата Сверкера Острема о его пребывании в городе Куйбышеве: «...Мы сразу поехали в здание, подготовленное для шведского посольства. Оно было построено в пышном стиле модерн. В городе открылся специальный магазин, предназначенный исключительно для покрытия нужд дипломатов. Он произвел впечатление, что у нас не будет нехватки необходимого. Икра всегда была в продаже за дешевые деньги, а также связанная с ней водка в неограниченном количестве. Все окна магазина были покрыты белым мелом – с тем, наверное, чтобы у голодного населения не было возможности увидеть всю вкуснятину, которую “гастроном” предлагал иностранцам» [13, с. 287].

С. Алилуева вспоминала: «В Куйбышеве нам всем отвели особнячок на Пионерской улице, с двориком. Здесь был какой-то музей. Дом был наспех отремонтирован, пахло краской, а в коридорах – мышами... Я ходила в школу в девятый класс, все мы слушали каждый день сводки радио...

В конце октября 1941 года я поехала в Москву – повидать отца... В Москву я приехала 28 октября – в тот самый день, когда бомбы попали в Большой театр, в университет на Моховой и в здание ЦК на Старой площади. Отец был в убежище, в Кремле, и я спустилась туда... Отец не замечал меня, я мешала ему. Кругом лежали и висели карты, ему докладывали обстановку на фронтах. Наконец, он заметил меня, надо было что-то сказать... “Ну, как ты там, подружилась с кем-нибудь из куйбышевцев?” – спросил он, не очень думая о своем вопросе.

“Нет, – ответила я, – там организовали специальную школу из эвакуированных детей, их много очень”, – сказала я, не предполагая, какова будет на это реакция. Отец вдруг поднял на меня быстрые глаза, как он делал всегда, когда что-либо его задевало: “Как? Специальную школу?” – я видела, что он приходит постепенно в ярость. “Ах, вы! – он искал слова попроще. – Ах, вы, каста проклятая! Ишь, правительство, москвичи приехали, школу им отдельную подавай! Власик – подлец, это его все рук дело!...” Он был уже в гневе, и только неотложные дела и присутствие других отвлекли его от этой темы.

Он был прав, – приехала каста, приехала столичная верхушка в город, наполовину выселенный, чтобы разместить все эти семьи, привыкшие к комфортабельной жизни и “теснившиеся” здесь в скромных провинциальных квартирах...

Но поздно было говорить о касте, она уже успела возникнуть и теперь, конечно, жила по своим кастовым законам. В Куйбышеве, где москвичи варились в собственном соку, это было особенно видно. В нашей – “эмигрантской” – школе все московские знатные детки, собранные вместе, являли столь ужасающее зрелище, что некоторые местные педагоги отказывались идти в классы вести урок. Слава Богу, я училась там лишь одну зиму и уже в июне вернулась в Москву» [2].

На другом полюсе находились те горожане, перед которыми стояла задача элементарного выживания в чрезвычайных условиях. Даже то, что было положено получать по карточкам, нередко не отоваривалось. На авиационном заводе им. Сталина (г. Куйбышев) работникам в январе 1942 г. было недодано по карточкам 50,4 % хлебобулочных изделий, 11,5 % макарон и крупы, 16 % мяса и рыбы, 6,2 % жиров, 3,2 % сахара. На заводе № 24 в январе-феврале 1942 г. карточки на питание не отоваривались. Из-за нехватки мест в столовой обеды доставлялись в цеха. Обед здесь состоял из рассольника, в котором почти не было жиров, а вторых блюд не хватало, из-за чего при дележе пищи в цехах возникали конфликты. На 4 ГПЗ общий рацион обеда рабочего в среднем состоял из 15–16 мясных и рыбных дней в месяц, остальные же дни были «постные» при средней калорийности 406–410 ккалорий, что было явно недостаточно для восстановления сил и вызывало истощение [23. Ф. 656. Оп. 33. Д. 271. Л. 26; Д. 275. Л. 18; Оп. 34. Д. 139. Л. 70].

В условиях войны, когда распределявшиеся по карточкам продукты были недостаточны для поддержания жизни, появились неисчерпаемые возможности для легального и нелегального перераспределения доходов. Значительный разрыв между оптовыми и розничными ценами вел к тому, что «спекулянты» скупали у крестьян продукты по ценам, превышавшим государственные заготовительные цены, перепродавали эти продукты в го-

родах ниже государственных коммерческих и оставались с большой прибылью. Самые нужные товары повседневного спроса — соль, мука, спички, керосин, имевшиеся на складах предприятий нередко в достаточном количестве, — прятались торговыми работниками под прилавок, а оттуда переходили к нелегальным и полунелегальным торговым посредникам. Проверка торговых точек выявляла большие недостатки. На областном совещании по вопросам пропаганды и агитации в феврале 1942 г. (г. Куйбышев) отмечалось, что в «торговых организациях развелось огромное количество жуликов и разного рода проходимцев, которые немало фондируемых товаров сбывают по спекулятивным ценам, которые залезают в государственный карман — тащат деньгами и товарами» [23. Ф. 656. Оп. 33. Д. 73. Л. 42, 43]. У группы жуликов, работавших за прилавком в магазине № 4 при обыске на квартире обнаружено: мыла хозяйственного — 105 кг, водки — 49,5 л, муки 72 % — 104 кг, чая грузинского — 281 пачка, риса — 35 кг. В столовой № 33 была раскрыта группа воров, у которых при обыске на квартире были обнаружены и изъяты: деньги совзнаками — 92 944 руб., золото царской чеканки — 70 руб., бытовое золото на сумму свыше 100 000 руб. [23. Ф. 656. Оп. 33. Д. 73. Л. 42, 43].

В спекуляцию были вовлечены и военнослужащие: они вне очереди покупали хлеб и другие продукты в магазинах и продавали их втридорога на рынках. «За бойцами не угонишься, — писал рабочий Витько, — они буквально берут все ведрами, а затем продают хлеб по 20 руб. за кирпич. Картина очень нехорошая. Бойцы потеряли всякий авторитет у населения города» [23. Ф. 656. Оп. 20. Д. 32. Л. 419].

Документы военного периода свидетельствуют о многочисленных примерах хулиганства. Особенно криминальной была ситуация на рынках города. Но были и примеры обратного свойства. В заметке «Находка возвращена владельцу», опубликованной в газете «Волжская коммуна», говорилось: «На днях, возвращаясь с работы, сотрудница куйбышевской конторы Торгречтранс Е.М. Власова потеряла сумку с деньгами, паспортом и продуктовыми карточками. В тот же вечер на квартиру Власовой явилась гр. А.Т. Овчинникова и вручила ей найденную сумку с находившимися в ней деньгами и документами» [8. 1942. 15 февраля].

Снижение статуса города Куйбышева как одного из центров управления страной начинается уже в ноябре 1941 г. В конце месяца отзывают в Москву Н.А. Вознесенского [14, с. 265]. 5 декабря 1941 г. началось знаменитое контрнаступление под Москвой, показавшее немцам всю бесплодность их надежд на покорение СССР. После провала операции «Тайфун» Москва могла спокойно продолжить свою столичную жизнь. М.И. Калинин уехал из Куйбышева в Москву в середине

декабря 1941 г. Вскоре уехал К.Е. Ворошилов. Все основные правительственные документы, за исключением приказов наркомата авиационной промышленности, который оставался в городе, подписываются в Москве. Куйбышев сохранялся как потенциальный резервный пункт центрального управления страной на случай обострения ситуации, о чем свидетельствовало строительство бункера № 1 для И.В. Сталина и других руководителей страны.

Библиографический список

1. Алексушин Г. Запасная столица / Куйбышев — фронту. URL: <http://lib.ssau.ru/kuibyshev-city-wow>.
2. Аллилуева С. Двадцать писем другу. URL: www.tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/A/AliluevaSI/letter/pis15.html.
3. Безымянка. Строки, опаленные войной: кн. воспоминаний ветеранов Киров. р-на г. Самары / отв. ред. П.Л. Моисеенко. Т. 1. Самара: ПАДИ, 1997. 416 с.; Т. 2. Самара: Самар. отд-ние Лит. фонда России, 2000. 503 с.: портр.; Т. 3. Строки, опаленные войной: Воспоминания ветеранов г. Самары / ред. совет: Никитин Л. Г. [и др.]. Самара: Самар. Дом печати, 2002. 792 с.
4. Большой российский энциклопедический словарь. М.: Дрофа, 2003. 1888 с.
5. Буранок С.О. Куйбышев — запасная столица СССР: образ города в англо-американском обществе 1941—1945 гг. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2016. 238 с.
6. Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: в 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. М.: Кучково поле, 2014. 864 с.
7. Великая Отечественная война: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. 832 с.
8. Волжская коммуна — орган Куйбышевского обкома и горкома ВКП(б), областного и городского Советов депутатов трудящихся
9. Государственный архив Российской Федерации.
10. Данилов В.Н. Самара (Куйбышев) — запасная столица страны в годы Великой Отечественной войны: организация защиты // Самарский край в контексте российской истории: сб. ст. междунар.научно-практич. конф., 8—12 июня 2001 г. / под общ. ред. Э.А. Куруленко. Самара: Департамент культуры Администрации Самарской области, 2001. С. 145—149.
11. Елков И. Доступ к телу закры т// Российская газета. 2017. 17 февраля.
12. Ерофеев В. Запасная столица. URL: <http://историческая-самара.рф/каталог/самарская-история/великая-отечественная-война/запасная-столица.html>.
13. Здесь тыл был фронтом. Самара: СДП, 2000. 352 с.
14. Колотов В.В. Николай Алексеевич Вознесенский. М.: Политиздат, 1976. 335 с.
15. Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Документы и материалы. Самара: Самарский Дом печати, 1995. 448 с.
16. Об эвакуации столицы СССР г. Москвы. Постановление ГКО СССР 15 октября 1941 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12.
17. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989. 924 с.

18. Павлов А.Е. Запасная столица. Самара: Самарский Дом печати, 1995. 96 с.

19. Репинецкий А.И. «Запасная столица» на перекрестке войны и дипломатии (г. Куйбышев в годы Великой Отечественной войны) // Проблемы изучения военной истории: сб. ст. Третьей Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара: Издательство «Научно-технический центр», 2015. С. 30–37.

20. Российский государственный архив в г. Самаре.

21. Российский государственный архив социально-политической истории.

22. Росман В. Столицы: их многообразие, закономерности развития и перемещения. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 336 с.

23. Самарский областной государственный архив социально-политической истории.

24. Самарский щит. Очерки, посвященные 90-летию Управления ФСБ по Самарской области. Самара: Русское эхо, 2008. 320 с.

25. Саркисов А.А. Воспоминания. Встречи. Размышления. М.: Комтехпринт, 2012. 563 с.

26. СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Краткая хроника. М.: Воениздат, 1970. 856 с.

27. Сталин И.В. Постановление Государственного Комитета Обороны об эвакуации столицы СССР г. Москвы 15 октября 1941 года. Сочинения. Т. 18. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006.

28. Центральный государственный архив Самарской области.

References

1. Aleksushin G. *Zapasnaia stolitsa* [Spare capital]. In: *Kuibyshev – frontu* [Kuibyshev to the front]. Retrieved from: <http://lib-ssau-ru-kuibyshev-city-wow> [in Russian].

2. Allilueva S. *Dvadsat' pisem drugu* [Twenty letters to a friend]. Retrieved from: www.tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/A/AliluevaSI/letter/pis15.html [in Russian].

3. *Bezymianka. Stroki, opalennye voinoi: Kn. vospominanii veteranov Kirov. r-na g. Samary. Otv. red. Moiseenko P.L. T. 1.* [Bezmaynka. Lines scorched by the war: Memories of the Kirov district of the city of Samara. Moiseenko P.L. (Ed.) Vol. 1]. Samara: PADI, 1997. 416 p. [in Russian]; Vol. 2. Samara: Samar. otd-nie Lit. Fonda Rossii, 2000, 503 p. [in Russian].; T. 3. *Stroki, opalennye voinoi: Vospominaniia veteranov g. Samary / red. sovet: Nikitin L. G. i dr.* [Vol. 3. Lines scorched by the war: Memories of veterans of the city of Samara]. Samara: Samar. Dom pečhati, 2002, 792 p. [in Russian].

4. *Bol'shoi rossiiskii entsiklopedicheskii slovar'* [Large Russian encyclopaedic dictionary]. M.: Drofa, 2003, 1888 p. [in Russian].

5. Buranok S.O. *Kuibyshev – zapasnaia stolitsa SSSR: obraz goroda v anglo-amerikanskom obshchestve 1941–1945 gg.* [Kuibyshev – spare capital of the USSR: image of the city in English and American society of the 1941–1945]. Samara: Izd-vo SamNTs RAN, 2016, 238 p. [in Russian].

6. *Velikaia Otechestvennaia voina 1941–1945 gg.: V 12 t. T.10. Gosudarstvo, obshchestvo i voina* [Great Patriotic War of 1941–1945: In 12 Vols. Vol. 10. State, society and war]. M.: Kuchkovo pole, 2014, 864 p. [in Russian].

6. *Velikaia Otechestvennaia voina: Entsiklopediia* [Great Patriotic War: Encyclopedia]. M.: Sovetskaia entsiklopediia, 1985, 832 p. [in Russian].

7. *Volzhskaia kommuna – organ Kuibyshevskogo obkoma i gorkoma VKP(b), oblastnogo i gorodskogo Sovetov deputatov trudiaschikhsia* [Volzhskaia kommuna – body of the Kuibyshev regional committee and city committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, regional and City Council of Working People's Deputies]

8. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [The State Archive of the Russian Federation]

9. Danilov V.N. *Samara (Kuibyshev) – zapasnaia stolitsa strany v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: organizatsiia zashchity* [Samara (Kuibyshev – spare capital of the country in the years of the Great Patriotic War: organization of protection)]. In: *Samarskii kraj v kontekste Rossiiskoi istorii (sbornik statei). Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia, 8-12 iunია 2001 g. Pod obshechi red. E.A. Kurulenko* [Samara region in the context of the Russian history (collection of articles). International research and practical conference, June 8–12, 2001. E.A. Kurilenko (Ed.)]. Samara, Departament kul'tury Administratsii Samarskoi oblasti 2001, pp. 145–149 [in Russian].

10. Elkov I. *Dostup k telu zakryt* [Access to the body is closed]. *Rossiiskaia gazeta* [Russian Newspaper], 2017, February 17 [in Russian].

11. Erofeev V. *Zapasnaia stolitsa* [Spare capital]. Retrieved from: <http://историческая-самара.рф/каталог/самарская-история/великая-отечественная-война/запасная-столица.html> [in Russian].

12. *Zdes' tyl byl frontom* [Here rear was front]. Samara: SDP, 2000, 352 p. [in Russian].

13. Kolotov V.V. *Nikolai Alekseevich Voznesenskii* [Nikolay Alekseevich Voznesensky]. M.: Politizdat, 1976, 335 p. [in Russian].

14. *Kuibyshevskaiia oblast' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny /1941–1945/. Dokumenty i materialy* [Kuibyshev Region in the years of the Great Patriotic War (1941–1945). Documents and materials]. Samara: Izdatel'stvo «Samarskii Dom pečhati», 1995, 448 p. [in Russian].

15. *Ob evakuatsii stolitsy SSSR g. Moskvy. Postanovlenie GKO SSSR 15 oktiabria 1941 g.* [On evacuation of the capital of the USSR of the city of Moscow. Decision of the State Defense Committee dated October 15, 1941]. *Izvestiia TsK KPSS* [Proceedings of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union], 1990, no. 12, pp. 217 [in Russian].

16. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of the Russian language]. M.: Russkii iazyk, 1989, 924 p. [in Russian].

17. Pavlov A.E. *Zapasnaia stolitsa* [Spare capital]. Samara: Samarskii Dom pečhati, 1995, 96 p. [in Russian].

18. Repineckij A.I. «*Zapasnaia stolitsa*» na perekrestke voiny i diplomatii (g. Kuibyshev v gody Velikoi Otechestvennoi voiny) [«Spare capital» on the crossroad of war and diplomacy (Kuibyshev in the years of the Great Patriotic War)] In: *Problemy izucheniia voennoi istorii: sbornik statei Tre'tei Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Issues of study of military history: collection of articles of the Third All-Russian scientific conference with International participation]. Samara: Izdatel'stvo «Nauchno-tekhnicheskii tsentr», 2015, pp. 30–37 [in Russian].

19. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv v g. Samare* [Russian State Archive in the city of Samara] [in Russian].

20. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Social and Political History] [in Russian].
21. Rossman V. *Stolitsy: ikh mnogoobrazie, zakonomernosti razvitiia i peremeshcheniia* [Capitals: their variety, laws of development and mobility]. M.: Izd-vo Instituta Gaidara, 2013, 336 p. [in Russian].
22. *Samarskii oblastnoi gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Samara Regional State Archive of Social and Political History] [in Russian].
23. *Samarskii shchit. Ocherki, posviashchennye 90-letiiu Upravleniia FSB po Samarskoi oblasti* [Samara shield. Essays on the 90-th anniversary of the FSS of Russia administration on the Samara Region]. Samara: Russkoe ekho, 2008, 320 p. [in Russian].
24. Sarkisov A.A. *Vospominaniia. Vstrechi. Razmyshleniia* [Memories. Meetings. Reflections]. M.: Komtekhpriint, 2012, 563 p. [in Russian].
25. *SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg.: Kratkaia khronika* [USSR in the Great Patriotic War of 1941–1945: Brief chronicle]. M.: Voenizdat, 1970, 856 p. [in Russian].
26. Stalin I.V. *Postanovlenie Gosudarstvennogo Komiteta Oborony ob evakuatsii stolitsy SSSR g. Moskvy 15 oktiabria 1941 goda* [Resolution of the State Defense Committee on evacuation of capital of the USSR Moscow city October 15, 1941]. In: *Sochineniia. T. 18* [Works. Vol. 18]. Tver: Informatsionno-izdatel'skii tsentr «Soiuz», 2006, p. 272 [in Russian].
27. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti* [Central State Archive of the Samara Region] [in Russian].

V.N. Paramonov*

«SPARE CAPITAL» DURING THE MOSCOW BATTLE DAYS (OCTOBER 1941 – APRIL 1942)

The article is based on archival materials, some of which are introduced into scientific circulation for the first time, analyzes the validity of the use of the concept of «spare capital» in relation to the city of Kuibyshev of the war years, examines the problems associated with the evacuation of government agencies and the large migration of the USSR population to the city on the Volga, features of social sentiments of the population of «spare capitals» are revealed, factors influencing dynamics of sentiments are viewed.

Key words: Great Patriotic War, capital, evacuation, management, prices, supply, deficit, social sentiments.

Статья поступила в редакцию 22/1/2017.
The article received 22/1/2017.

* Paramonov Vyacheslav Nikolaevich (parvja@mail.ru), Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.